

УДК 882 (09)

ТЕОФОНИЯ И ТЕОФАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ ПОЭМЫ В.А. ЖУКОВСКОГО «СТРАНСТВУЮЩИЙ ЖИД»*

© 2011 А.Е. Рылова

Шуйский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 9 октября 2010 года

Аннотация: В статье на основе анализа места и роли теофонии и теофании в художественной системе поэмы Жуковского доказывается цельность и завершенность этого произведения, считающегося незаконченным и поэтому не заслуживающим пристального внимания в литературоведении. Прослеживается роль теофонии и теофании в описании эволюции Агасвера и в представлении особой связи переживаний автора и главного героя, характерной для канона романтической поэмы.

Ключевые слова: Литургия, романтическая поэма, поэтика, отчуждение, композиция, сюжет.

Abstract: In article on the basis of the place and role analysis theophany and theophany in art system of a poem Zhukovsky the integrity and completeness of this product which are considered incomplete and consequently not deserving steadfast attention in literary criticism is proved. The role theophany in the description of evolution of Agasver and in representation of special communication of experiences of the author and the protagonist, characteristic for a canon of a romantic poem is traced.

Keywords: the Liturgy, a romantic poem, poetics, alienation, a composition, a plot.

Последней поэме В.А. Жуковского «Странствующий жид» в литературоведении уделяется недостаточное внимание; одна из причин — мнение о том, что произведение не закончено. Историю создания поэмы А.Н. Веселовский представляет так: замысел относится к 1831 году, первые 30 стихов написаны в конце 40-х годов, за год до смерти Жуковский возвратился к работе над поэмой, но не смог её закончить из-за прогрессирующей слепоты [1]. Свидетельство самого Жуковского противоречиво. За несколько дней до смерти в письме о. Базарову он говорит:

"Я написал поэму, она ещё не кончена, я писал её слепой нынешнюю зиму. Это Странствующий Жид в христианском смысле. В ней заключены последние мысли моей жизни. Это моя лебединая песнь..." [2]. С одной стороны, поэма в представлении Жуковского не закончена, с другой — употреблена форма глагола совершенного вида прошедшего времени, то есть поэма уже существует, это свершившийся факт. Будущее время во всем фрагменте письма отсутствует, по-

зволяя сделать вывод о том, что основной замысел автора — передать историю странствующего жида в христианском ключе — был осуществлён.

Цельность и завершенность поэмы предстает особенно явно, если проследить роль теофонии (слова Божия) и теофании (Богоявления) в художественной системе произведения.

Поэма начинается с описания явления Бога человеку, и первое её слово — местоимение Он, обозначающее Сына Божия. Но Господь, не переставая быть Всемогущим, Вседержителем, предстаёт в начале произведения страдающим человеком. Такое представление Спасителя восходит к службам Великого поста, особенно Страстной седмицы и Пасхи (на подобном сопоставлении, данном в ряде параллельных конструкций, построено, например, песнопение «Днесь висит на древе», которое исполняется во время Пасхи и в Великую Пятницу — в день, когда переживаются крестные страдания Спасителя: «Днесь

*Работа выполнена в рамках проекта «Литургическое слово в русской литературе» по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 г.г.»

висит на древе, Иже на водах землю повесивый; венцем от терния облагается, Иже ангелов Царь; в ложную багряницу облачается, одевая небо облаки; зашение прият, Иже во Иордане свободивый Адама...» — антифон 15, глас 6 [3]). У Жуковского мучения Христа заострены с помощью тропов (сравнение «как плотоядный зверь свою добычу, им схваченную, давит» [4] (с. 266)), синтаксических образных средств (градация, подчеркнутая бессоюзием «Он часто падал, / Вставал с усилием, переводил / Дыхание, потом, шагов немного / Переступив, под ношею Его давившей <...> падал снова» (с. 266)), ритмо-мелодической системой (многочисленные переносы создают ощущение сбивающегося, неровного дыхания). Но это явление Бога остается закрытым для героя поэмы — Агасвера. Он не просто не сочувствует страданиям Христа, а проявляет явно враждебное действие — безжалостно отталкивает Спасителя от своих дверей, закрывая для Него и двери своей души. Возникает парадоксальная ситуация (в тексте она заострена с помощью антитезы): Агасвер отталкивает Христа безжалостно, Спаситель же, идущий на крестную муку, относится к нему «с глубоким состраданием» (с. 266), несчастным при этом назван не Христос, а Агасвер, и причина этого — «чуждость любви» (с. 266). Таким образом, явление Бога здесь — внешнее событие, оно не было открыто самому Агасверу, хотя и стало переломным моментом в его жизни.

Вся последующая жизнь Агасвера представляется путём к обретению Бога, и началом этого пути стали слова Спасителя, данные в предыстории героя в прямой речи: «Ты будешь жить, / Пока Я не приду» (с. 266). Эти слова охарактеризованы автором как приговор, изречённый Богом. Из прямой речи они переходят в описание внутреннего переживания этих слов героем: «...Слова, которых каждый звук свинцовый / Буквой в мозг его был вдавлен, и там / Сидел нерасторжим, не слышен уху, / Но страшно слышен в глубине души» (с. 267). В этом — особенность стиля Жуковского, которую можно определить термином М.Л. Гаспарова, — интериоризация: внешние явления и события переносятся в область внутренних ощущений и переживаний [5]. Читателю это помогает видеть за видимым сюжетом подлинный. Слова Спасителя производят на героя впечатление гнетущее, что отражается в эпитете, заостренном инверсией (звук свинцовый), метафорой с творительным сравнением (буквой в мозг вдавлен), эпитетом страшно (слышен). Далее первоначальное восприятие слов Спасителя отражается уже в прямой речи героя: «Что Он сказал мне? / Я слов Его не постигал значенья: / Но звуки их ни день, ни ночь меня / Не покидали; — яростью кипела / Вся внутренность моя против Него, / Который

ядом слова одного / Так жизнь мою убил; я приговора / Его могуществу не верил; я / Упорствовал обманщика в Нем видеть; / Но чувствовал, что я приговорен... К чему?...» (с. 274). Наблюдается вторая ступень интериоризации, описаны уже не ощущения от слов, а резко отрицательная реакция на них героя, выраженная в метафоре «яд слова, которым жизнь убил». Также переходит из речи автора в сознание героя слово приговор, отражаясь в ощущении: «я приговорён».

В следующий раз обращённые к нему слова Спасителя герой вспоминает в ключевой момент своей жизни, когда он, после того как на него обрушились обломки Иерусалимского храма, понимает, что смерть для него невозможна: «...разбив меня насмерть, / Меня, ожившего, они извергли, / Как скверну, из своей громады» (с. 278-279). Слова Спасителя в прямой речи героя сначала даны тоже в форме прямой речи, как воспоминание: «Послышалось мне: “Ты будешь жить, / Пока Я не приду”» (с. 279), а затем они отражаются в виде косвенной речи во внутреннем монологе героя, в отчаянии пытающегося понять их смысл: «Я буду жить! Я буду жить, пока / Он не придёт!.. Как жить?.. Кто Он? Когда / Придёт?..» (с. 279). Эмоциональность и глубина переживаний героя передана с помощью ряда риторических вопросов, восклицаний и фигур умолчания. Но подобные раздумья не смягчают его сердца, а вызывают бешенство: «...Я в бешенстве завыл / И бешеное произнес на всё / Проклятие...» (с. 279).

Отголосок слов Спасителя слышит Агасвер в словах святителя Игнатия, обращённых к нему: «... ты же, друг, отसेле / Поди в свой путь, смиришь, живи и жди» (с. 285) — не даром соотнесены взгляд святителя и взор Христа, с которым Он изрекает приговор. Впервые Агасвер чувствует глубокую скорбь раскаяния и впервые через ощущение «тайной, будящей душу благодати» (с. 287) он приближается к открытию внутри себя Божьего мира: «...В языке нет слова, / Чтоб имя дать подобному мгновенью, / Когда с очей души вдруг слепота / Начнет спадать, и Божий светлый мир / Внутри и вне её, как из могилы, / Начнет с ней воскресать» (с. 287). Но толчком к подобному состоянию стали даже не сами слова святого — ведь Агасвер их слышит уже на арене, куда он ринулся, движимый состраданием, с намерением закрыть старца от лавиной пасти собой. Перед этим Агасвер услышал, как обречённые на смерть христиане поют «Тебе Бога хвалим» — церковный гимн, известный в редакции святителя Амвросия Медиоланского (IV век). Это благодарственное песнопение поётся в конце благодарственного молебна [6], а также в конце чинопоследования Литургии, посвящённой Неделе Торжества Православия — первой неделе Великого поста.

С точки зрения мудрости мира сего наблюдается явное несоответствие: христиане обречены на смерть, но они благодарят Бога, но именно «это пенье... мою всю душу / проникнуло внезапным вдохновеньем» (с. 285), — отмечает герой.

Истинное же богоявление для Агасвера происходит во время таинств крещения и Причащения, которые он принял от святого евангелиста Иоанна Богослова на острове Патмос. Но причиной этого стало опять же слово апостола, в котором явно присутствовала Божественная благодать — ведь оно названо «животворящим» (с. 288), и именно это слово «выбивает искру / Всепримирающего покаяния» (с. 288), поскольку оно произнесено «...Именем Того, Кто нам один / Дает надежду, веру и любовь» (с. 288). Ответом на эти слова стал возглас разбойника, отражённый в прямой речи героя с указанием на источник: «Как тот разбойник на кресте, к ногам / Обиженного мной, с смиренным сердцем / Упав, воскликнул: “Помяни меня, / Когда во царствии Своем приидешь!”» (с. 288). Эти слова благоразумного разбойника поются в начале Третьего антифона на Литургии оглашенных [7, 98], а также в несколько видоизменённом виде («Иисусе, Сыне Божий, помяни нас, егда приИдеши во Царствии Твоем» [8]) они звучат припевом Акафиста Страстям Христовым, исполняемым во время Пасхи в первые четыре воскресения Великого поста. Слова же апостола перед причастием: «Со страхом Божиим и с верой, сын мой, / К сим тайнам приступи и причастись / Спасению души в святом Христа / За нас пронзенном теле и Христовой / За нас пролитой крови» (с. 288-289) перефразируют призыв дьякона перед причастием верующих на Литургии верных: «Со страхом Божиим и верою приступите» [7, 153].

Слова Божии в прямой речи звучат при описании картин Апокалипсиса, открытых Агасверу Иоанном Богословом. В этих словах говорится о явлении Бога всем людям в силе и славе, когда «здесь Господь / Жить с человеками отныне будет <...> здесь сияет слава / Господняя, и Агнец служит здесь / Светильником, И Божие лицо / Спасенные очами видеть будут» (с. 292). Но это явление лишь ожидается, воистине оно осуществится в конце времён, полноту которых и заключает в Себе Господь: «Я Бог живой, Я Альфа и Омега, / Начало и конец. Подходит время» (с. 292). Слова апостола, в которых содержались пророчества Апокалипсиса, названы «святым откровеньем» (с. 292), которое дает надежду всей жизни героя, осуждённого «на казнь скитальца Каина» (с. 292).

Таинственно Господь является Агасверу на том месте, где когда-то тот его оттолкнул, в ответ на его покаяние. Покаянием проникнуто и дви-

жимо паломничество героя на святую землю. Во время описания поклонения героя святым местам возникает указание на слова Спасителя, произнесённые Им во время молитвы в Гефсиманском саду, но сами слова не приводятся, а описывается то чувство, с которым их произнес Спаситель («в смертельной тоске» (с. 296)), цель их («на поученье и на подпору всем земным страдальцам» (с. 296)) и отзвук их в душе героя («очарованье ночи ... в молчании всемирном проведенной» /с. 296-297/). Эти слова, данные в прямой речи и выделенные курсивом, приводятся дальше для того, чтобы показать изменение состояния героя, его примирение с Богом и людьми: «...О, сколько силы, / Какая сладость в этом слове сердца: “Твое, а не мое да будет!”», В нём / Вся человеческая жизнь; в нём наша / Свобода, наша мудрость, наши все / Надежды...» (с. 304-305). В такой же форме и с такой же целью приводятся другие Евангельские слова Спасителя: «... Я казнь мою / Всем сердцем возлюбил: она моей / Души хранитель. И с людьми, меня / Отвергшими, я примирился, в сердце / Божественное поминая слово: “Отец! Прости им: что творят, не знают”!» (с. 301). Евангелия, посвящённые событиям последних дней жизни Христа, читаются на Страстной седмице, целиком их чтению и осмыслению посвящена служба Великого Четверга (чтение двенадцати Евангелий).

Эволюция героя знаменуется пониманием той спасительной роли, которую сыграли в его судьбе слова Спасителя, которые ранее звучали как суровый приговор: «Постигнул я всё благо казни, Им / Произнесённой надо мной, как мнилось / Безумцу мне, в непримиримом гневе. / О, Он в тот миг, когда я Им ругался, / Меня казнил как Бог: меня спасал / Погибелью моей, и мне изрёк / В Своем проклятии благословенье» (с. 299). Так провозглашается спасительная роль слова. Бог создал весь мир словом, и с этого начинается Евангелие от Иоанна, которое читается в праздник Пасхи: «В начале бе слово, и слово бе к Богу, и Бог бе слово» (Ин. 1:1). Словом же Своим Бог спасает человека. Причем спасённый словом Божиим Агасвер получает дар своим словом помогать другим: «Могу переноситься я, / Куда любовь меня пошлет на помощь, / На помощь — но не делом, словом... словом / Утехи, состраданья, надежды, / Иль укоризны, иль остереженья» (с. 301). Так образуется композиционное кольцо: именно словом остереженья Агасвер спасает Наполеона, решившегося на самоубийство: «Явился некто, и необычайный, / Глубоко движущий всю душу голос / Сказал: “Куда, Наполеон!”... При этом зове, / Как околдованный, он на краю скалы / Оцепенел...» (с. 271).

Словом Божиим называется Евангелие, и в тексте поэмы несколько фрагментов являются

пересказом евангельских текстов (описание событий, связанных с распятием и погребением Спасителя в предыстории героя), а также дается неточная цитата из Евангелия, связанная с пророчеством о гибели Иерусалима, перед описанием разрушения города и храма). Не случайно герой встречается именно с апостолом Иоанном Богословом — ведь он написал одно из четырех евангелий и в тексте несколько раз поэтом назван евангелистом.

В своей последней поэме Жуковский демонстрирует связь теофонии и теофании через особую роль слова Божия в изображении эволюции Агасвера. Слово Божие может быть выражено через прямую речь Спасителя, через косвенное её изображение во внутреннем монологе героя, может иметь разные источники: Евангелие, устное предание. Практически все слова Спасителя, приведенные в тексте, связаны с богослужениями Страстной седмицы. С одной стороны, это определяется общностью тематики, с другой — самим смыслом Великого поста. Великий пост — время покаяния, недаром в начале поста и вечером в среду 5 й седмицы читается Великий покаянный канон преподобного Андрея Критского. Главная же тема поэмы — обретение Бога через покаяние, и именно по отношению к ней проявляется общность по духу автора и персонажа, характерная для романтической поэмы.

Автор, оставаясь в целом в рамках канона романтической поэмы, видоизменяет его, следуя специфике творческого замысла — репрезентации христианского аспекта в качестве ключевого. В результате он действительно становится средством выражения «последних мыслей», жизненного кредо автора, итогом его духовной эволюции. С этим связана и особая цельность внешне незавершенной поэмы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ

1. Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения» / А.Н. Веселовский. — СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1904. — С. 482.

Рылова А.Е.
ФГБОУ ВПО «Шуйский государственный педагогический университет, ст. преподаватель кафедры культурологии и литературы.
rylovaAE@yandex.ru

2. Цит. по: Веселовский А.Н. Указ. соч. — С. 483.

3. Триодь постная: В 2-х ч. Ч. 2. — М.: Издательство Московской Патриархии, 2008. — С. 269.

4. Жуковский В.А. Странствующий жид / В.А. Жуковский // Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / Редкол. И.А. Айзикова, Э.М. Жилиякова, Ф.З. Канунова, О.Б. Лебедева, И.А. Поплавская, Н.Е. Разумова, Н.Б. Реморова, Н.В. Серебренников, А.С. Янушкевич (гл. ред.). — М.: Яз. русск. культуры, 1999. —... Том 4. Стихотворные повести и сказки. — 2009. — С. 266 309. Здесь и далее ссылки на это издание приводятся с указанием в скобках страницы.

5. Гаспаров М.Л. Избранные труды: В 2-х т. Т. 2. О стихах. — М.: Яз. русск. культуры, 1997. — С. 22.

6. Требник. — М.: Издательство Московской Патриархии, 2010. — С. 398.

7. Всенощное бдение и Литургия. — М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2004.

8. Пассия. — М.: Издательство Московской Патриархии, 2005. — С. 49.

9. Всенощное бдение и Литургия. — М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2004. — С. 153.

10. Жуковский, В.А. Сочинения в трех томах. Т. 2. — М.: Художественная литература, 1980. С. 400.

11. Манн, Ю.В. Поэтика русского романтизма. — М.: Наука, 1976. — С. 164.

12. Цит. по: Веселовский, А.Н. Указ. соч. С. 483.

13. Жуковский, Г.А. Пушкин и русские романтики. — М.: Худож. лит., 1965. — С. 133.

14. Манн, Ю.В. Указ. соч. С. 32-33.

15. Манн, Ю.В. Указ. соч. С. 135-136.

16. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. — М.: Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. — С. 220.

17. Жирмунский, В.М. Байрон и Пушкин. — Л.: Наука, 1978. — 424 с.

18. Бройтман, С.Н. Историческая поэтика. — М.: РГГУ, 2001. — С. 264

19. Триодь постная: В 2-х ч. Ч. 1. — М.: Издательство Московской Патриархии, 2008. — С. 165.

Rylova A.E.
Shuisky the state pedagogical university, the senior teacher of chair of cultural scienc and the literature.